

1997 год

Оглавление

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ. ЭТО ДЕЛО МОЕЙ СОВЕСТИ	3
ПАМЯТЬ ИМЕЕТ ВЛАСТЬ	4
РАССКАЗ КОММУНИСТА БЕРНТА	7
ЕЁ ВЕЛИ НА РАССТРЕЛ	10
А БЫЛО ЕЙ 15 ЛЕТ.....	11
ПАМЯТЬ НЕТЛЕННА.....	12
ХОЛОДНАЯ ВОДИЦА.....	15
ВСТРЕЧА.....	17
ВСЕМ СМЕРТЯМ НАЗЛО.....	18
ЕГО НАЗЫВАЛИ ЧАПАЕМ.....	20
ВСЕСОЮЗНЫЙ, ГОЛОВАЧЁВСКИЙ.....	23
ФОТОГРАФИИ.....	26

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ ЭТО ДЕЛО МОЕЙ СОВЕСТИ

Много лет назад отправил я первую заметку в нашу районную газету С тех пор прошло немало времени, но по-прежнему я пишу в «Пламя труда», «Брянский рабочий» и другие газеты. Неизменным осталось только одно — тема моих выступлений. Это война, подвиг русского народа в самой страшной, тяжёлой войне нынешнего столетия. Я не воевал, но у меня имеется собственный счёт. Иногда меня спрашивают: «Не надоело, Николай Григорьевич, писать об одном и том же?» Обычно отшучиваюсь хотя есть у меня своя история...

Шёл сентябрь 1943 года. Под натиском советских войск фашистские варвары всё дальше и дальше откатывались на запад. Тяжёлые бои наши войска вели на подступах к Гомелю осенью 1943 года В ту ночь с 25 на 26 сентября над городом Злынка гремела канонада. Люди ушли из города, спрятались в окрестных оврагах, в лесу. К угрозу залпы умолкли. Быстро пронеслась весть: немцев в Злынке нет, они быстро покинули город. По дороге к городу потянулись вереницы людей, неся на себе нехитрый скарб и малолетних детей, ведя на веревочке уцелевших коров, коз. В покинутых наспех домах вновь затеплилась жизнь, хозяева наводили порядок, устраивались сами. На небольшой однобокой улочке Орджоникидзе, что протянулась недалеко от центра, шла обычная жизнь. Взрослые обустроивались, а дети, радуясь возвращению домой, принялись за свои забавы. Семилетний мальчик со своей четырёхлетней подружкой шагали по своим «делам». Вот они подошли к старой иве, вернее, большому пню, оставшемуся от когда-то огромного дерева, и остановились. Опустив руку в дупло, мальчик вытащил отгула неизвестный предмет. Покрутил голубую крышечку с кольцом и дёрнул за проволочку «игрушки». Трудно представить, что произошло бы дальше, если бы в это время дети не услышали крик солдата. Испугавшись, они бросили свою находку в сторону и побежали. От гранаты, а именно ее спрятали. немцы для детей в дупло, устремился чёрный столб дыма, и через несколько секунд раздался взрыв.

Из домов люди выскочили на улицу. Через огороды, крича что-то, бежал солдат. С окровавленной рукой и ногой мальчик добежал до своего дома, а его подружка, споткнувшись, с побелевшим от страха лицом, упала недалеко от взорванной «лимонки». Первым подбежал к пацану солдат, увидев, что парень жив, на ходу сказал что-то людям, побежал догонять своих однополчан...

Полгода кровоточили и гнили раны у мальчика и его подружки, у которой на теле насчитали более десяти ран. Видя, как страдает сын, отец его на следующий день отправился в военкомат. «Я отомщу за тебя, сынок», — сказал он на прощание А через две недели его не стало. В похоронке было написано: пропал без вести. Ни среди мертвых нет, ни среди живых... Можно только догадываться, что погиб отец под Гомелем, где шли особенно жестокие бои. Проходящие в те дни через город воинские части, узнав о беде детей, оказывали помощь медикаментами, бинтами. А их требовалось немало. Жертвами фашистских следов стали ещё несколько человек. Кому руку оторвало, кому ногу. Очень много мин, гранат оставили после себя немцы.

Шли годы, отгремели залпы орудий, зажили раны у ребят, они выросли, кончили школу. Девочка, о которой я рассказал, окончила мединститут, работает врачом-гинекологом в родном городе Злынке, пользуется большим уважением своих земляков.

А мальчик, как вы догадались, — ваш покорный слуга и автор этих строк, выбрал другую дорогу. Оюнчил физмат пединститута, долгое время работает в школе. На войне я не был, но своим огнем опалила она мое детство, отняла у меня родного человека — отца. И покуда я жив, буду писать о ветеранах, о подвигах земляков, об известных и совсем неизвестных солдатах, отдавших жизнь за победу. Это мой долг, это дело моей совести.

ПАМЯТЬ ИМЕЕТ ВЛАСТЬ

Осень. С молодых тополей облетает лист. На уютной скамейке, что стоит под тополем у дома, старик Федосеев читает газету.

- День добрый, Михаил Никитич. Что хорошего пишут в газете?

- Много хорошего, — отвечает он. — Дело доброе делают, к примеру, по печатают заметки «Никто не забыт, ничто не забыто...». Хотя и давно прошло то время, а о хороших людях надо вспоминать. И у нас в Любохне сколько их погибло. Поди, посчитай, — продолжает он.

- Да вот мало писано о них в газете. А надо бы. К примеру, Шадский — директор бывший. Хороший был человек, партийный, а война началась, не эвакуировался, остался здесь, отряд партизанский возглавил. Жаль, погиб рано, А надо о нём говорить, чтоб пример молодёжь брала, — Вы были в отряде?

- Да нег, я по заданию в то время был в самообороне.

- Так вы и не знаете, как погиб Шадский?

- Слышал. Но об этом могут лучше рассказать те, кто с ним был в то время. К примеру, Королев, Ермаков, Шепырёв. Немного осталось в живых из его первоначального отряда.

...Прошло более двух месяцев после этого разговора с бывшим партизаном. Как-то, просматривая исторические данные по Любохонскому чугунно-литейному заводу, я обратил внимание на показатели работы завода в предвоенные годы. Завод из года в год рос. В предвоенные годы его коллектив освоил выпуск чугунных смывных бачков «Эврика».

В 1939-41 годах на заводе резко возросла производительность труда, росло число рабочих, увеличивалась заработная плата. Завод перевыполнял плановые задания. Но это всё было нарушено вероломным фашистским нападением. Завод перешёл на военное положение. Привезены были винтовки и боеприпасы. Предприятие охраняли рабочие и служащие. Когда немецко-фашистские орды приближались к Брянску, большинство мужчин было мобилизовано в ряды Красной армии, а невоеннообязанные ушли в партизанские отряды.

Директор завода П. П. Шадский организовал отправку эшелонов с оборудованием в тыл страны. Отправлены были все материальные ценности, а также семьи рабочих и служащих. Он сам возглавил партизанский отряд в округе Любохны, вместе с ним были рабочие и служащие завода.

Вспомнились мне опять слова Михаила Никитича:

— Хороший был человек Жаль, погиб рано. А надо о нём говорить. У меня появилось неудержимое желание узнать больше о Шадском, узнать в первую очередь не от близких и родственников, а от людей, которые рядом с ним трудились на заводе, были в партизанском отряде.

Вскоре такой случай представился. За окном тридцатиградусный январский мороз. Мы сидим в просторном зале дома бывшего партизана Митрофана Ефимовича Королева. Трещат дрова в горящей печке. Хозяйка то и дело подбрасывает в печь поленца. Митрофан Ефимович курит «Север», глубоко затягиваясь дымом. И как только выкуривает одну папиросу, сразу начинает другую, за ней третью. Прошу Митрофана Ефимовича поделиться своими воспоминаниями о Шадском.

- О Петре Петровиче?! Как же его не помнить? Умный был. Партийный секретарь вначале, потом директор, а затем и отряд партизанский возглавил. Хороший человек и по партийной, и по заводской работе. Скажу прямо, — продолжил он, умел и поговорить с людьми, умел и руководить. Короче, знал свое дело везде.

- Почему же он не эвакуировался с заводом?

- Э-э, затягиваясь очередной папироской, продолжил Митрофан Ефимович. — Не такой он был человек. Ему предлагали и настаивали свыше, да он ответил: «Чем больше людей в тылу врага повернёт оружие против фашистов, тем меньше придется им топтать своими грязными сапогами нашу землю».

- Так он же мог уйти на фронт?

- Нет. С лёгкими у него было не все в порядке. Поэтому на фронт его и не брали. Вот он и решил бороться в тылу врага. Ещё немец далеко был от Брянска, а он уже формировал партизанский отряд. Помню, вызвал меня и говорит «Ну, дорогой Митрофан Ефимович, я белобилетчик, и ты белобилетчик, а посему здесь будем бить немца», и предложил мне поехать на курсы подрывников в Белые Берега. И ещё шесть человек подобрал из Любохонских. У меня язва желудка была, поэтому на фронт не брали. Вот и дал я согласие, потому что верил своему бывшему секретарю. А в партии я как-никак с 1931 года. Когда возвратился, видел, как Петр Петрович хлопчет, мобилизуя рабочих завода на рытьё противотанковых рвов возле Десны. Немец тогда рвался к Брянску. Рабочих подвозили на заводских машинах. Было у нас в то время три или четыре полуторки. Петр Петрович доставлял на место работы продукты: масло, крупу, хлеб. Очень беспокоился, чтобы все были сыты, а сам одновременно организовывал в Любохне истребительный батальон. В Мальцевской даче выбрал места для будущих стоянок отряда, завозил в лес продукты и боеприпасы. Когда немцы заняли район, отобранные Петром Петровичем люди ушли с ним лес. Ушёл и я. В отряд первое время стекалось много военных из окруженцев, мы их переправляли через линию фронта. Устраивали засады фашистам.

Однажды позвал меня Петр Петрович и попросил пробраться в Любохну и починить ему валенки, да и другим партизанам. Холода надвигались. А у меня в Любохне был знакомый сапожник. Ну, я и пошёл.

В это время он с группой партизан устроили засаду на большаке Березино-Бердовка, заминировали дорогу. Машина с фашистами и подорвалась на mine. Оставшихся в живых немцев расстреляли из автоматов. Бросились к горящей машине, но не увидели, что за ней шла немецкая танкетка и другие машины. Из танкетки немцы прямым огнем обстреляли партизан. Пятеро наших пало на большаке. Очередь сразила и Петра Петровича. Когда бой кончился, партизаны забрали трупы товарищей, увезли и захоронили у небольшого селения Ясная поляна, что в Калужской области.

- Когда же перенесли его останки на кладбище, в братскую могилу?

- Не один раз, три раза его перезахоранивали. Когда освобождена была Любохна,

останки перезахоронили недалеко от проходной завода, у заводской стены. И каждый проходящий всегда останавливался у могилы, добрым словом вспоминал хорошего человека. Когда завод расширялся, перенесли останки на поселковое кладбище в братскую могилу. А в 1968 году по решению дирекции завода и поселкового Совета возвели монумент, а рядом в братских могилах перезахоронили тех, кто погиб за народное дело. Это было уже третье перезахоронение Петра Петровича.

Он немного помолчал и продолжил. Окончилась пачка папирос. Митрофан Ефимович достал другую и опять дымит, дымит.

- Вот и дымлю, не переставая, а это всё война сказывается. Многое пришлось пережить. Был и в отряде Бернта. Он в Бежице живёт. Хорошо знает меня, а потом в отряде Чукова Даниила Яковлевича, в конце концов попал в бригаду Орлова. Был у него связным.

Немного помолчав, затянувшись, в который раз за вечер папиросой, он продолжал:

- Всякое пришлось увидеть и пережить. Вызывает меня Орлов, вру шет пакет. Нужно его срочно доставить в соседний партизанский отряд. Все местные дороги и тропы я хорошо знал. И пошёл выполнять задание. Хлынул дождь, да заливной. Темнота — глаза выколи. Трудно было идти, порою приходилось ползти, нащупывая руками дорогу. Ну и опоздал. Задание выполнил, но с опозданием на полтора часа. Явился в отряд. Командир говорит: «Расстреливать нужно за опоздание с выполнением задания». Это грозило срывом очередной операции отряда. Но, к счастью, всё обошлось благополучно. Ушли тогда от преследования врага. Позже у меня открылась язва желудка, поэтому вместе с ранеными меня отправили на «Большую землю». После госпиталя принял меня майор в штабе партизанского движения. Выслушал и говорит: «Полагается вам отпуск два месяца, Митрофан Ефимович. За сделанное — спасибо!» А куда мне в отпуск ехать? На Брянщине ещё немцы хозяйничали. И пошёл я на фронт, дошёл с войсками до Брянской земли, и опять заболел. Вот и до края родного рукой подать. Но не спешил я туда, знал, что дома партизанские жгли, а жену мою ещё при мне, когда я был в партизанах, вместе с шестью детьми угнали в концлагерь. Оттула кто возвращается? — думал я тогда. И вновь обострилась язва. Направили меня на Волгу, в город Саратов. Там и подлечили. Там я стал работать в литейном цехе на одном из заводов. Когда освободили Брянщину, Саратовский обком партии командировал меня на восстановление Дятьковского района. И сейчас эта командировка хранится.

Он просит дочь найти её. Дочь достаёт коробочку, где хранятся медали, удостоверения к ним и другие документы. Показывает мне удостоверение той далёкой партийной командировки.

- Приехал в Любохну. Встретился с семьей. Одна только младшая дочка умерла от голода в концлагере. Даниил Яковлевич Чуков возглавлял тогда восстановление завода. Мне он предложил возглавить литейный цех. Грамотность у меня малая, но некому было, вот и стал я начальником цеха. Трудное время было, а завод восстанавливали.

Вот моя и жизнь. Не совершил я никакого геройства, а чем мог, тем и помог армии и народу. Сейчас на отдыхе, на пенсии. За труд мой малый государство наградило меня пятью медалями.

«Вот он, труженик и невоеннообязанный воин, потомственный чугунолитейщик и старый коммунист», — подумал я. Вслушиваясь в его слова, как живого представил себе неизвестного мне бывшего директора завода Петра Петровича Шадского и подумал ещё

раз: «Мог он видеть людей, мог находить себе честных помощников, тружеников, вот почему у него и дела всегда спорились, вот почему и память людская ему вечна».

РАССКАЗ КОММУНИСТА БЕРНТА

Обходя лужи, мы сворачиваем возле магазина с романтическим названием «Мечта» на улицу Высокую в городе Брянске. На эту тихую улицу нас привели поиски материалов о патриотах Любохны. Вот и дом с серебряной лиственницей у крыльца. Гостеприимно встречает нас хозяин — Евгений Рудольфович Бернт. Знакомимся. Сообщаем цель нашего приезда. Засыпаем его вопросами. Он тепло улыбается и говорит: «Мне не хватит 24-х часов, чтобы ответить на все ваши вопросы. Давайте по порядку..» И мы слушаем рассказы...

Врага не щадили

(рассказ первый)

- Вас интересует, как я попал в отряд Петра Петровича Шадского? Что было с отрядом после его гибели? По решению горкома партии я был оставлен в тылу врага. Находился в Орджоникидзеградском отряде, которым командовал Виноградов. Вначале был командиром роты партизан. Половина моей роты погибла в одном из труднейших боёв. После выхода из операции на большаке повстречался с партизанами из отряда Шадского. Его отряд в это время понёс большие потери. Когда мы связались с командованием нашего отряда, я получил личное указание от Александра Ивановича Виноградова войти в отряд Шадского и оказать ему помощь в проведении боевых действий. Но вскоре при проведении одной операции Шадский погиб. И мне пришлось возглавить отряд.

Расскажу о некоторых операциях, которые мы проводили после смерти Шадского. Мы поддерживали связь с Орджоникидзеградским отрядом и крупные операции разрабатывали совместно. Совместной была, например, операция в Судимере. Наш отряд расположился в Улемской даче примерно в трёх-четырёх километрах от деревни Пулково. 25 декабря 1941 года небольшой гарнизон немцев на станции Судимир должен был праздновать ёлку. Мы решили «поздравить» немцев с рождеством Христовым. К нам в отряд для разработки операции был прислан начальник штаба Орджоникидзеградского отряда Марков и рота партизан во главе с Коршуновым. Около десяти часов вечера тридцать подвод партизан приблизились к станции. Ещё раз уточнили обстановку. По сигналу красной ракеты мы устремились вперед. Немцам не дали опомниться. В считанные секунды мы забросали гранатами здание школы, где они веселились, уничтожили всю охрану, вывели из строя два паровоза, взорвали водокачку. На снегу остались лежать несколько десятков фашистов. Немцы открыли огонь лишь тогда, когда мы отъехали от станции километра два.

..Помнится операция в деревне Березино. Наши связные сообщили, что в Березино прибыл небольшой отряд немцев за продуктами. Пока они там грабили население, мы разрабатывали план операции. Окружили Березино со всех сторон. И когда фашисты возвращались с гружёными подводами, застрочили наши пулемёты и автоматы. Один за другим падали фашисты на землю. Немцы разбежались, даже не оказав нам сопротивления. Погрузив трупы фашистов на подводы, мы доставили их к Болве и опустили в прорубь. Много было других операций.

Вот книга «Партизан Брянщины». Здесь есть перечень операций, проведенных нашим отрядом. Это официальные данные из донесений Орловскому штабу партизанского движения. Когда 8 марта 1942 года на территории Дятьковского района и части Брянского района была восстановлена Советская власть, прибыл представитель из штаба фронта и предложил всем партизанским отрядам Дятьково объединиться в партизанскую бригаду под командованием Орлова. Я с бежицкими товарищами возвратился в отряд Виноградова, а остальные товарищи под командованием Простякова и Чукова влились в Дятьковскую партизанскую бригаду.

О некоторых из многих

(рассказ второй)

Вас интересует судьба Любохонских патриотов? Вспоминаю боевую семью Скотниювых. Отец с дочерью был в нашем отряде. Хорошо помню Костю Корнеева Его любовно прозвали колдуном. Помню Сарычева, Романова, Бондырева, отважных разведчиц Аню Дагидаеву, Зину Дарковскую, Аню Литину.

Как погибла Зина Дарковская? Рад бы узнать сам. Пытались узнать. Она ушла за линию фронта с заданием и больше не вернулась.

Вспоминаю случай... Меня вызвали в штаб отряда. В это время я послал Аню Литину и Зину Дарковскую в Любохну в разведку. Только я возвратился в землянку, как вбегает со слезами Зина. Сообщает, что Аню арестовали. Узнаю подробности ареста. В Любохне девушки встретили знакомую Силакову. Пока они разговаривали, подошёл муж Силаковой — полицай Рясной. Он хорошо знал Аню, т. к. до войны был вахтёром железнодорожного моста через Болву, а Аня работала начальником станции. Короткий разговор и неожиданные слова Рясного: «Вы арестованы». Зину он отпустил, а Аню забрал с собой. В этот же день Рясной хотел отправить Аню в Дятьково, просил для этого у старосты лошадь, но тот отказал. Тогда Рясной запер её в своём доме. Выслушав доклад, я принимаю решение идти на выручку разведчицы. Моя рота и рота Пухлина ночью входят в Любохну. Устанавливаем, что фашистов в посёлке нет. Поднимаем с постели старосту и приказываем идти вместе с нами.

Окружаем дом Рясного. Староста постучал в дверь, требуя открыть. В сенях послышались шаги. Рясной отказывается открывать дверь. Тогда я выпустил автоматную очередь через дверь. Секунды, и дверь взломана. На полу видим раненого Рясного. Врываемся в комнату. К нам бросается Аня. Приканчиваем предателя. В сарае обнаруживаем вещи семей коммунистов и партизан, расстрелянных по указанию Рясного. Вещи мы раздали населению. Через два-три дня мы вновь побывали в Любохне. На окраине Фокинской улицы нам сообщили, что по донесениям Силаковой было сожжено ещё несколько домов семей коммунистов. Жители посёлка просили убрать Силакову из Любохны. В тот же вечер мы выполнили просьбу жителей, «отправив её к мужу».

Народ быя с нами

(рассказ третий)

- Вы спрашиваете, какая связь у нас была с населением? Если коротко говорить, то мы питали население, а население питало нас. За каждым отрядом были закреплены определённые населённые пункты. Любохонский отряд контролировал Любохну, Пупуково, Березино, Шибенец, Бердовку. Население всегда поддерживало нас. Но был

случай, когда мы почувствовали, что население Березино сторонится нас. Мы пытались выяснить причину. Оказалось, что бывший директор школы Емец установил тесную связь с немцами и с их разрешения открыл школу под своим именем в Березино. Всё население деревни было подвластно ему, боялось его, так как он всё докладывал немецким властям. Когда мы узнали об этом через связных, решили расчитаться с предателем. В одну из тёмных ночей он был расстрелян нами, а его дочь ушла к нам в партизаны. После этого деревня стала нашей. Во всех населённых пунктах партизаны провели массовую политическую работу: информировали о делах, происходивших на фронтах, собирали деньги по очередному государственному займу, оказывали помощь семьям погибших фронтовиков. Население же снабжало нас продуктами, одеждой, давало различную информацию, нас интересующую.

Вот был такой случай. В оккупированной Любохне немцы решили открыть школу и предложили Каблуковой Антонине Николаевне работать в ней. Прежде, чем дать согласие, она обратилась к нам за советом. Мы дали согласие, но воспитывать она должна детей в советском духе. И она действительно много сделала, много помогла нам. Переписывала и расклеивала в посёлке листовки, собирала для нас необходимые сведения. Потом её угнали в Германию, где очень изуродовали. Последний раз я видел её на одной из остановок в 1944 году, когда она возвращалась из концлагерей Германии (сейчас она работает на цементном заводе в городе Фокино).

...Могу сообщить такую деталь. Иногда у населения мы брали скот. Всегда давали расписки, где указывали, что скот берём в счёт госпоставок 1945 года. Даже как-то смешно, ведь тогда мы не могли знать, по война окончится в 45-ом, и всё-таки всегда ставили в расписках этот год. И когда после войны репатриировали скот из Германии, все, сохранившие наши расписки, получили обратно скот. Хочу сказать, что с населением мы были всегда вместе. Оно оказывало нам помощь, мы ему.

Немного о себе

(вместо послесловия)

- Вы спрашиваете, как у меня сложилась судьба в дальнейшем?

Последнее время я был начальником штаба в партизанском отряде имени Виноградова. В августе 1943 года я перелетел линию фронта в центр штаба партизанского движения с докладом о деятельности отряда в тылу врага и возвратился в родной Брянск вместе с регулярными частями Красной армии. Вместе с войсками дошёл до Германии.

После войны работал в райисполкоме, потом возглавил заводской комитет профсоюза Бежицкого машиностроительного завода, затем избирался несколько лет секретарём парткома, пять лет был начальником тепловозостроительного цеха завода, а сейчас работаю заместителем начальника ОТК завода.

- Почему у меня такая фамилия?

Действительно, у неё немецкое звучание. Откуда она? Мой отец был приёмным сыном немецкого колониста. Вот и передал он свою фамилию своему приёмному сыну, а потом и внуку, мне.

..Мы с удовольствием передаём читателям газеты рассказы русского коммуниста Евгения Рудольфовича Бернта о событиях, которые проходили более 50 лет тому назад.

ЕЁ ВЕЛИ НА РАССТРЕЛ

Перелистывая старые альбомы походов школьников по местам боевой славы, я обратил внимание на одну фотографию, под которой стояла короткая подпись: Моисеенкова Евдокия Федоровна — дважды расстрелянная.

Необычная подпись взволновала меня, долго не давала покоя. Что же случилось с этой женщиной, какова её судьба?

Помогли бывшие партизаны, хорошо знавшие Моисеенкову, воевавшие вместе с её мужем. «Евдокия Федоровна жива и здорова, — оказали они, — вот её адрес».

Когда началась война, муж ушёл в партизаны. Он попал в отряд, которым командовал Шадский. В домик по Мало-Свердловской улице к Евдокии Федоровне часто навещали гости из леса. Они уносили с собой табак, свежий хлеб, чистое бельё. Однажды поздней зимней ночью явился муж — М. Моисеенков и молодой партизан — разведчик И. Муравьев («Очень смелым был этот парень», — вспоминает о нём бывший партизан отряда М. Королев).

Отогревшись, Муравьев отправился выполнять задание. Вдруг в дверь постучали. Не дождавшись, пока откроют, выломали ее — в дом ввалилась большая группа полицаев.

- Попался, партизанская сволочь! — пьяно ругались они, — а ну-ка, покажись, борода.

- Бог с вами, хлопцы, — попыталась удержать Евдокия Федоровна, — негу здесь никого. Михаила давно убили под Дятьковом.

Но полицаи отшвырнули её, начали обыск. Не уберёгся партизан, где-то допустил неосторожность. А может, донёс кто, ведь и такое случалось. Скрутившись в клубок, Михаил Матвеевич лежал в кухонном столе. Полицай А. Медведев выволок хозяйку и ее малолетних детей на снег и приказал бить до тех пор, пока не признается. Евдокия молчала. А когда увидела, как из дома тащили мужа, потеряла сознание.

Вскоре каратели взяли и разведчика Муравьева. Через два дня они нагрянули вновь.

- Собирайся, — грозно выругался полицай И. Кириков. — И ценят своих забирай, — глумился он. — Весь выводок на немецкий хлеб посадим. Поди, свои запасы в лес отправила. Патриотка.

В тёмной холодной комнате, где их посадили с двухлетней дочкой и четырехлетним сыном без тёплой одежды и пищи мать провела сутки. Наконец, дверь распахнулась. —

- Мама, тебя не будет бить дядя, — хныкая, спрашивал Толик. — Нас поведут к папе?

И «повели к папе», туда, откуда не возвращаются.

- Путь был коротким, — рассказывает Евдокия Федоровна. — 300-400 метров Узкая дорожка и ров, занесённый снегом. Фрицы, наверное, торопились

- Быстро, быстро, matka, — торопили они.

- Ноги не слушались, я ничего не соображала. В голове, кажется, застряла одна

мысль: неужели не пощадят детей, неужели их убьют, звери? У самого рва оглянулась, и в этот момент... Нет, выстрелов я не услышала, только крик малышки и сына. Помню, куда-то ползу, мне жарко, мокрая, сверху снег. Дочка была мёртвая, а Толик ранен. Он не стонал, не плакал, только просил пить. За что же они нас, за что? Что сделали им эти крошки? Закопала трупик дочки в снег, подхватила Толика, и бежать. Куда? Домой нельзя. Где укрыться? Мы совсем раздеты, Толик ранен, в крови.. Набрела на пожарище. Печка. Усадила туда сына и кинулась искать хоть какую-нибудь одежонку. Помогла жительница Любохны Каблукова — то ли Марусей её звали, то ли Матреной. Когда вернулась к печке, Толик мой уже скончался. Он лежал, сжав ручонками задвижку.

Много страданий и горя пришлось испытать. Не успела Евдокия Федоровна прийти в себя, как её снова забрали.

- Мы знаем, — сказал через переводчика немецкий офицер, — что ты врешь, будто твои дети расстреляны. Это ложь. Ты спрятала их. За это мы тебя будем наказывать.

Она теперь знала, что означает по-фашистскому наказание: или концлагерь, или расстрел. Ей определили второе. Это за то, чтобы другим неповадно было укрывать партизан. Но и на этот раз чистая случайность спасла её от пули. Моисеенкову в числе небольшой группы доставили под деревню Рогинь, где должна была совершиться казнь. Но когда выводили из машины, то полицай М. Фомичёв, до войны хорошо знавший Евдокию Федоровну, дал знак остаться на месте. Остальных быстро загнали в домик и подожгли его.

Вот эти два трагических случая и послужили поводом для того, чтобы школьники записали в свой альбом: дважды расстрелянная.

Дальше судьба Е. Ф. Моисеенковой сложилась так. Угнали в немецкое рабство, отгула её вызволила и вернула на родину Советская армия. Евдокия Федоровна награждена медалью «За боевые заслуги и юбилейной медалью «Двадцать лет победы над Германией».

А БЫЛО ЕЙ 15 ЛЕТ

Суровые леса ещё и сегодня берегут легенды и были давних дней партизанской войны. Вот одна из них — о юной патриотке из Любохны.

...Это было в грозном 1942 году. К глубокой яме под столетними берёзами фашисты подвели седого старика и пятнадцатилетнюю девчонку. Их привели на расстрел.

Девочке завязали чёрной повязкой глаза. Но она гордо выпрямилась, сорвала левой, больной рукой повязку с глаз, ибо правой руки у неё не было. Её отрубили фашисты во время длительных и мучительных допросов в г. Дятьково.

Из уст девочки прозвучали проклятия в адрес фашистов. В ней жители посёлка признали свою землячку — Олю Корнееву. У Оли была обычная биография. Она родилась в 1927 году, училась в Любохонской школе. В ноябре 1941 года, выходя из окружения, в посёлок пришёл раненый отец Оли. Немного подлечившись, он ушёл в партизаны, а Оля осталась в посёлке. Она активно помогала народным мстителям. Ночью расклеивала листовки, а днём уходила на большак или перекрёсток дорог и наблюдала за

живой силой противника. Её часто можно было видеть шагающей с корзинкой в руках около полицейского участка по Фокинской улице. В корзинке сверху лежало бельё для стирки, а снизу сведения для партизан.

В дом к Корнеевым часто навещали партизаны. Однажды к ним нагрянула полиция. Обыск. Оля знала, что в это время на чердаке сарая школы, которая стояла неподалёку, два партизана ремонтировали радиоприёмник.

- Во что бы то ни стало их нужно предупредить, — подумала Оля и мигом ускользнула из дома. И напрасно стреляли полицаи по чердаку, партизан там уже не было.

В одну из ночей домой пробрался отец Оли, партизан из отряда Шадского, Константин Корнеев. Патриота в посёлке заметили и выдали предатели. Поздно ночью в Любохну нагрянули каратели. Восемнадцать фашистов окружили дом и подожгли его. Константин вспомнил о забитом окне, выходящем в огород. И через это окно вылез сам и вывел семью.

Вскоре Оля снова появилась в посёлке. Она была связной партизан. Девочка поселилась у своей тёти А. Шилкиной, но её выдали предатели. В августе 1942 года фашисты схватили её и бросили в тюрьму. Гестаповцы избивали юную патриотку до полусмерти, загоняли под ногти пальцев иголки, но Оля им слова не сказала о партизанах. Тогда ей отрубили руку, а через несколько дней расстреляли. Это было 19 августа 1942 года.

На Любохонском кладбище стоит памятник. Под блестящей звездой подпись: «Остановись, товарищ, поклонись! Они погибли, чтобы мир свободен был и светел, чтоб на земле был счастлив человек!» И ниже: «Жителям посёлка Любохна и её окрестностей, расстрелянным фашистами за активную помощь партизанам». На надгробных плитах золотыми буквами сверкают фамилии погребённых. Среди них: Корнеева О. К. 1927-1942 гг.

ПАМЯТЬ НЕТЛЕННА

Минуло более полвека со дня Победы нашего народа в Великой Отечественной войне. Стремительно летит время вперёд, но не даёт покоя память о прошлом.

...Манешино, Маиешино... Уж сколько раз, собирая материалы о любохонских партизанах, я слышу название этого селения. Как-то раз разговорился с жительницей с улицы Фокинской Каблуковой Александрой, спросил у неё, нет ли какой связи в названии селения Манешино с фамилией хорошо мне знакомого бывшего партизана Манешина Тимофея Егоровича, чья фотография хранится в школьном музее боевой славы?

- Ну как же?! В Манешино проживали до войны семьи двух родов — или Манешины, или Самохины. И твой знакомый оттуда родом.

В злополучный день 8 июня 1942 года на опушке леса у деревни Манешино каратели расстреляли жену и четырёх малолетних детей Тимофея Егоровича, поскольку сам хозяин находился в это время в партизанском отряде.

- Мы с семьёй в это время скрывались в лесу под Манешино, — продолжала

Каблукова. — Я была ещё подростком. Помню, как случайно натолкнулись мы на трупы расстрелянных жены и детей Тимофея Егоровича. Мы их снесли в одно место. В то время многие жители Любохны оказались в лесу под Манешино, ибо за помощь партизанам большинство селений вокруг Любохны были в то время сожжены карателями. Это Слободище, Денисовка, Васильевка, Семёновка, Лилово, Лады, Першино, Крочки, Дорошево, Домашово, Годуновка, Можерь, Озерки, Соколове и др. Очередь дошла и до Манешино.

...Пройдут годы. Окончится война. От второго брака у Манешина Т. Е. народятся ещё трое детей. Но иногда, в День Победы, поставит он на стол бутылку с водкой. Выпьет 150 граммов. Обхватит голову руками и будет стонать, произнося слова «Дети мои! Как вы умирали?..» Жена в этот момент готова ему всё простить,

...В очередной раз перелистываю воспоминания одного из командиров Любохонского партизанского отряда Простакова А. М., где он пишет: «В деревне Манешино в колхозной бане было сожжено более 20 мужчин, ушедших из Дятьково и других населённых пунктов вслед за партизанами».

И вот я сижу в просторном доме моей старой знакомой по депутатской работе в Любохонском Совете Креулян Зинаиды Петровны. Спрашиваю, известно ли ей что-либо о случае, названном А. М. в своих воспоминаниях?

- Ну как же не знать! — следует её мгновенный ответ. — Это было вечером с 8 на 9 июня 1942 года. С отцом мы в это время находились в Манешино, должны были у одного знакомого столяра забрать изготовленные для окон рамы. В тот день после боя в Любохне партизаны ускользнули от карателей в урочище Манешино. Места здесь топкие, лес густой. По этой причине фашисты долго сюда не пробирались. Озверелые каратели сожгли в бане 18 мужчин, среди которых был 13-летний мальчуган М. Юдин из Любохны. Четверо любохонских попали в это пекло. Это Глушонков И. А. (68 лет), Головачёв С. И. (64 года), Юдин Н. С. (53 года) и упомянутый выше его 13-летний сын.

- Так за что же они подверглись казни такой?

- Не знаю. Надо родственников разыскать и их спрашивать.

Разве можно забыть трагедию в Манешино спустя десятилетия? Очевидно, нет. Вот что пишет из Удмуртии очевидец этой трагедии, бывшая жительница Любохны Л. Дарковская: «Из леса фашистские изверги привели двух мужчин, дали им лопаты и заставили рыть яму. Их били прикладами, а потом поставили у края могилы и расстреляли. С другой стороны леса немцы привели 12 мужчин с подростком (по другим данным — 18, прим, автора), загнали их в баню, облили керосином и подожгли. До сих пор помню страшные крики мучеников. Собравшись в толпе, мы ждали своей участи. Немцы открыли дверь нового амбара и загнали нас туда. Переводчик объяснил, что если хоть один немецкий солдат пострадает, нас ждет смерть. Три дня и три ночи провели мы в амбаре. Взрослые и дети вели себя мужественно и спокойно. На четвёртый день нам разрешили уйти. Дома были разграблены, затем немцы сожгли всю деревню. Мы решили возвращаться в Любохну. Посёлок был тоже разгромлен, многие дома сожжены. Впереди нас ожидали ещё долгие дни под игом озверелого врага. Но это уже другая история».

- Так в чём же вина сожжённых?

- На вопрос дал ответ дальнейший поиск. Телефонным звонком растревожил я внучку Глушонкова И. А, заведующую магазином «Литейщик» — Сидорову Альбину Ивановну. Она рассказала мне, что дедушка страдал зрением, в тот злополучный день оказался на окраине леса за Слободищем, на повозке у него каратели нашли какие-то партизанские вещи, за что и поплатился. Дальнейший поиск привёл меня на Брянскую улицу недалеко от проходной завода к его хозяйке Варфоломеевой Марии Стефановне 1913 года рождения. Она с трудом передвигается по комнате, болят ноги, но всё помнит хорошо из тех далёких дней. Головачёв Стефан Иванович — её родной отец, попал в руки карателей при облове в лесу. Сожгли его за то, что сын Павел был партизаном в одном из отрядов района. Во время зверской расправы над отцом Мария Стефановна с малышкой-дочкой на руках с другими женщинами находилась в одном из домов деревни. Их тоже предупредили каратели, что если хотя бы один выстрел будет сделан из леса, всё будет сожжено. Но беда миновала.

Юдины отец с сыном. Племянница, с которой мне пришлось говорить, не знает причину казни дедушки и его сына. Но хорошо помнит рассказ ныне покойной матери. Которая говорила, что старики, когда загорелась баня, вытолкнули мальчугана через крошечное оконце наружу, приказав ему убегать, но фашисты с полицаями догнали его и втолкнули вновь в объятые уже пламенем окошко. А один полицай позже молвил: «Ох, долго слышался звонкий голосок мальчонки в огне».

В архиве школьного музея хранится с 1967 года письмо Юдина Николая Никитовича, который во время разыгравшейся трагедии в Манешино находился в нескольких сотнях метров от бани, где в огне отец и брат отсчитывали последние минуты своей жизни. Ему не исполнилось ещё и пятнадцати лет, ушел мстить врагу за отца и брата. Он стал сыном полка 2-й Гвардейской Перекопской дивизии Скоро на груди 16-летнего паренька засверкали медали «За отвагу», «За взятие Берлина», «За победу над Германиею». С болью в сердце он вспоминает чёрный день трагедии в Манешино.

К сожалению, имена других сожжённых на сегодня нам не известны. Пройдёт четверть века с того страшного дня, и внук Головачёва С.И. Фомичёв Лев Сергеевич при поддержке директора Любохонского чугунолитейного завода Васильева В.Н. и Дятьковского военкомата изготовит силами паросилового цеха памятник погибшим землякам и установит на поляне, где когда-то процветала красивая деревня, и которую фашисты стёрли с лица земли. А ещё через несколько лет родственники погибших на фронте жителей деревни установят рядом второй памятник с именами 14 погибших земляков.

Прежде, чем взяться за перо и попытаться донести до читателей газеты скорбные строки одного из эпизодов Отечественной войны, я загорелся желанием побывать в том месте, где 54 года назад разыгралась эта трагедия. Любезно согласился доставить меня туда на лошади Мартынов Геннадий Яковлевич.

Свеппо яркое февральское солнце. На небе — ни облачка. Мы по стерне, немного прикрытой снегом, оставляя в стороне Слободище и Денисовку, устремились к цели. Преодолев поле, въезжаем на узкую лесную дорогу с глубокой колеей, наши розвальни то и дело бросает из стороны в сторону, часто приходится соскакивать с саней и по колено в снегу двигаться пешком. Всего один километр трудного пути.

И вот лес расступился перед нами. Впереди на пригорке под приземистой сосной в сверкающих лучах солнца увидели мы два стоящих рядом памятника. Немного постояв, мой спутник промолвил: «Какая красотища!» Жить бы и жить в этом краю!» Сняв головные уборы, мы медленно начали приближаться к памятникам и остановились перед ними в скорбном молчании.

...Манешино — русская лесная деревенька...

...Хатынь — белорусская лесная деревенька...

И вспомнилось мне выгравированное на мраморных плитах обращение вставших из пепла хатынцев к тебе, ко мне, к нам — к живущим: «Люди добрые, помните: любили мы жизнь и Родину нашу, и вас, дорогие. Мы сгорели живыми в огне. Наша просьба к вам: пусть скорбь и печаль обернутся в мужество ваше и силу, чтобы смогли вы утвердить навечно мир и покой на земле. Чтобы отныне нигде и никогда в вихре пожаров жизнь не умирала!»

И наш ответ погибшим:

«Родные вы наши. Головы в скорби великой склонив, стоим перед вами. Вы не покорились фашистским убийцам в черные дни лихолетья. Вы приняли смерть, но пламя любви вашей к Родине нашей Советской — вовек не погаснет. Память о вас в народе бессмертна, как вечна земля и вечно яркое солнце над нею!»

Остановитесь, люди! Склоните головы! Минута молчания

...Мы покинули урочище Манешино. Вдали, метрах в ста от памятников, сверкает ещё один памятник в виде патрона со звездой наверху — памятный символ, что здесь в грозные годы войны базировался партизанский отряд под командованием Шапкина Виктора Васильевича. Здесь на помощь лобохонским партизанам, уходящим от преследования врага, пришли партизаны отряда Орлова Георгия Ильича, чтобы продолжить беспощадную борьбу с врагом.

ХОЛОДНАЯ ВОДИЦА

В тот день с утра я испытывал приподнятое настроение. К чему-то вспомнились строки известного поэта:

- Нет больше счастья на земле,

Чем пить холодную водицу.

Я тихо пытался напевать их, подбирая поочередно звуки известных напевов. Встретившись с приятелем, разговорились. Прощаясь, он неожиданно предположил «А не махнуть ли нам за брусникой за Холодную водичку? Помнишь, когда-то ездили туда?»

Тогда мы долго размышляли, почему это место называется Холодной водичкой, куда делось селение с таким названием? Пытался разузнать о судьбе жителей у земляков, расспрашивал лобохонцев — селение от посёлка где-то в 15-20 километрах, но сведения разнились. А совсем недавно, листая тетрадь нашей землячки, ныне покойной учительницы Александры Ивановны Маркиной, натолкнулся на знакомое название. В тетради были записи воспоминаний живых очевидцев трагедии, ставшей историей

Великой Отечественной войны.

Вот одна из них, которую поведал в своём рассказе житель тогда ещё посёлка Сельцо Трофим Андреевич Фомкин. Трагедия случилась на нашей земле в суровые военные годы.

- Мы с женой жили в лесу с партизанами. Весной 1942 года таких скитальцев, как мы, было несколько семей. Партизаны помогали нам, мы им. Женщины стирали, штопали одежду, пекли хлеб, а партизаны, когда нам было совсем голодно, привозили кое-что из продуктов.

У нас часто бывал ещё подросток Лешка, сын одного партизана. Отец его был не из наших мест, фамилия его как-то с годами забылась. Лешке было семь лет, мама его умерла, отец ушёл в лес, оставив пацана и его двухлетнего братишку у родственников жены в деревне Озерки. Там мы с ним и познакомились Лешка привязался ко мне, часто приходил к нам, оставался ночевать. Когда я решил уйти в лес, парень настоял, чтобы я взял его с собой.

Однажды партизанская разведка предупредила: к лесу движется большой отряд фашистов. Нам следовало немедленно уходить в глубь леса. Наспех собравшись, мы с женой покинули землянку, мальчишка с нами. Дело было к вечеру, прошли километров пять, вроде кругом тихо, решили передохнуть. Наломали ельники, в густых ветвях устроили привал. Огня разводить не стали, побоялись, да и луна уже показалась. Не успели толком устроиться, как вдруг среди тишины раздался треск сучьев, кто-то бежал прямо на нас. Мы затихли, думая, что это зверь.

И вдруг на поляну выскочила женщина. Вид её был страшен: раздета, волосы распущены, в глазах был огромный страх. Робко вышли мы из-за кустов, окликнули ее Она метнулась в сторону, но вдруг, опомнившись, шагнула к нам и упала. Подошли поближе. Несчастная вся дрожала, слёзы текли ручьем, она задыхалась от рыданий: «Там..., — показала она рукой в сторону, — там всех убили... И детей всех расстреляли... Я видела, лежат убитые, на пеньке мальчик сидит окровавленный... Страшно так... Кругом одни мёртвые...».

Она затряслась, застонала и, прикинувшись к земле лицом, заплакала. Мы еще немного постояли и тихонько отошли, решив дать ей успокоиться. На бледном Лёшином лице застыл страх и страдание. Он не хотел идти в укрытие и молил меня: «Дедушка, пойдём искать окровавленного мальчика на пеньке, он один там..» Но куда идти? Где тот мальчик, где люди? Ночь... Лес велик.

Мы еле успокоили мальчика. Пока мы возились с ребёнком, женщина ушла. Через день узнали о страшной трагедии в селении Холодная водица. Внезапно появившийся карательный отряд расстрелял всех жителей. Люди не успели спрятаться, убежали единицы. Немцы не щадили никого — ни стариков, ни детей. Долго ещё к месту расстрела нельзя было приблизиться из-за трупного запаха. Кругом шла война, добраться до лесной деревушки было нелегко. Через некоторое время фашисты нагрянули и в Озерки. И здесь враг оставил десятки убитых мирных жителей. Погиб и двухлетний братишка Лешки. А через некоторое время погиб и отец парня...

А Лешка вырос, со временем получил образование, устроился на работу. Слышал,

как по-доброму отзывались о нём люди.

ВСТРЕЧА

Из уральского поселка Старо-Пышлинска в Любохонскую школу имени дважды Героя Советского Союза А. А. Головачёва пришло письмо. Участники туристического клуба уральской школы просили помочь разыскать бывшего комиссара партизанского отряда дятьковчанина А.А. Миланова, о котором им рассказал их земляк, Герой Советского Союза В.А. Леонтьев, побывавший в школе. В годы войны он был летчиком. Его самолет сбили вблизи Любохны. Партизаны и жители Любохны и ее окрестностей помогли ему стать в строй.

Выполняя просьбу ребят, ученики начали поиски А.А. Миланова. Оказалось, что он живет в Дятьково. Я написал ему письмо. Через три дня на пороге комнаты появился сам А.А. Миланов.

- Вы писали мне?

- Да, мне хочется с вами поговорить.

- Приношу извинение, но сейчас не могу. Я заехал сообщить, что Герой Советского Союза В.А. Леонтьев прибыл в Любохну. Вот его адрес, он все вам расскажет.

...И вот мы сидим под тенистыми деревьями у дома Нестеровой (Трошиной) Анны Сергеевны Леонтьев приехал сюда со своими детьми Они тут же сидят, слушают отца, тот рассказывает:

- Это было 12 февраля 1942 года Я получил задание сфотографировать скопление немецких войск на железнодорожных станциях Карачев и Брянск. Задание выполнили и уже думали возвращаться назад. Вдруг по нашему самолету открыли огонь немецкие зенитки. Я попытался маневрировать, но все-таки нас подбили, самолет загорелся, стрелку Шмаренкову приказал выброситься с парашютом, а сам попытался сбить пламя. Протянул еще километров двадцать и тоже вынужден был выпрыгнуть. Это случилось недалеко от хутора Бердовки, что недалеко от деревни Пупково. Приземлился в глубокий снег. Обгоревший, с поломанной левой рукой, прижимая правой пистолет, я пополз под густую ель. Вскоре послышались голоса ребяташек Видимо, заметили как я приземлялся. Они начали звать. «Выходи, дядя, мы свои, немцев на хуторе нет».

Я вышел из укрытия. Ребята сняли с дерева парашют и скоро привели двух молодых женщин. С ними я добрался до крайнего дома. На столе появилось свежее гусиное сало, которым мне смазали лицо. Через полчаса к дому подъехала лошадь, я забеспокоился, схватился за пистолет. Но меня предупредили, что приехал свой человек — староста деревни Пупково — Гореленков. Он был связан с партизанами. Староста вошел в дом, поздоровался, справился о моем самочувствии, а потом говорит: «Собирайся, поедем ко мне».

Через некоторое время я был у него. Хозяйка хлопчет, готовит завтрак. Прошло еще немного времени и к дому подкатили на лошадях партизаны во главе с И.А. Милоновым. Предложили переехать в более надежное место. Я полностью доверился им. И меня повезли в Любохну в дом Трошиных.

На следующий день привели врача С.М. Анохина (в последствии заслуженный врач республики, работал в Дятьковской больнице). Он поправил поломанную руку, наложил дощечки, перевязал. И потом часто навещал меня.

Началось мое «госпитальное» лечение в доме добрых людей Трошиных. Любохна была тогда окраиной партизанского края, где действовала Советская власть. Тем не менее, сюда часто наведывались каратели. По этому все время во дворе наготове стояла запряженная в сани лошадь. Часто приезжали партизаны, привозили «гостинцы».

Прошел месяц, как я находился в доме Трошиных. 16 марта 1942 года партизаны переправили меня по знаменитому партизанскому коридору у города Кирова через линию фронта. К своей объяснительной записке командованию я приложил тогда фотографию, сделанную в доме Трошиных.

Леонтьев показывает эту фотографию. В центре он сам с перевязанной рукой (по черному, обгоревшему лицу можно подумать, что это негр), рядом М.А. Милонов и сестры Трошины: Анна, Прасковья и Лидия (Прасковью Сергеевну и Лидию Сергеевну немцы расстреляли позже за связь с партизанами).

В разговор включилась Анна Сергеевна.

- На второй день, когда партизаны увезли от нас Леонтьева, в Любохну нагрянули со стороны Пупкова и Фокина два карательных отряда. К нашему дому они пригнали много людей. Их привела какая-то неизвестная женщина — предательница. Нас выгнали из дома. мать упала в обморок. Немецкий офицер, стоя на крыльце, объявил, что если в доме будет найдена хоть одна партизанская пуговица, все жители будут расстреляны. Переводчик перевел. Начался обыск. Немцы нашли старую аптечку и приказали нам зайти в дом. Сестры Прасковья и Лидия не решились пойти, а я пошла. Мне сунули под нос аптечку и спрашивают: «Чья?» Объясняю им, что мать давно болеет и держим для нее. Не верят, грозятся. Но потом все же отпустили. Перевернув все в доме, каратели уехали. Я к матери, а она лежит без сознания. Перепугалась. Привели ее в чувство и начали приводить все в порядок, подметать пол. Провела я веником под кухонным шкафчиком, гляжу, а оттуда выкатывается противотанковая граната, забытая партизанами. Все так и обмерли. К счастью, не нашли ее каратели...

На глазах у Анны Сергеевны слезы. И нам они понятны.

На большаке, что идет из Любохны в Брянск, под старым дубом, за металлической оградой покоится прах Прасковьи Сергеевны и Лидии Сергеевны, вместе с другими патриотами Любохны расстрелянными немцами. Но о них помнят. Герой Советского Союза В.А. Леонтьев приехал с детьми в Любохну поклониться могилам своих спасителей, встретиться с людьми, оставшимися в живых, людьми, которые в грозную годину вместе с воинами ковали победу над врагом.

ВСЕМ СМЕРТЯМ НАЗЛО

И снопа встреча со своим давним знакомым — стариком Федосеевым М.Н. Разговорились. Оказалось, что он читал мои материалы в «Брянском рабочем» и «Пламени труда» о случаях спасения летчиков во время войны.

Поговорив немного об этом, он спросил меня: «А знаешь ли ты, что и с нашим

земляком нечто подобное было во время войны?» Когда я ответил, что не слышал о подобном, Михаил Никитьевич посоветовал сходить к Андрею Ефимовичу Меженому, у которого гостил несколько раз один летчик. Имя его — Григорий Доронцев.

Не помню точно, что тогда помешало мне, но сразу пойти к Меженину я не смог. А вскоре он умер. Примерно в это же время не стало и Михаила Никитьевича. Что было делать? Стал я интересоваться, спрашивать старожил, и вот первое известие — жили вроде бы Доронцевы в Щученке (это маленький поселок, вплотную прилегающий до войны к Любохне). Через некоторое время мне удалось найти сестру и жену Доронцева. Живут они сейчас в Брянске. Так в моих записях появились факты биографии нашего земляка — штурмана бомбардировочной авиации Григория Ермолаевича Доронцева. О некоторых из них — мой рассказ.

В ночь с 14 на 15 октября 1943 года, сбросив две с половиной тонны бомб на крупные артиллерийские склады под Оршей, самолет, ведомый командиром-пилотом капитаном Николаем Шестаком, где штурманом был Григорий Доронцев, лег на обратный курс. Где-то под Чаусами к бомбардировщику подкрался немецкий истребитель. Бомбардировщик был «прошит» из пушек истребителя и вспыхнул. Пламя сбить не удалось. Командир самолета, еле удерживая машину, приказал всем выпрыгивать. В числе других выпрыгнул и Григорий Доронцев. Комбинезон на нем горел и при спуске пламя сбить не удалось. Дотянув до земли, Григорий обрезал стропы парашюта и по вспаханному полю устремился к болоту.

Вскоре у места его приземления появились гитлеровцы с овчарками, но в болото лезть они не решились. Пробираясь по болоту и его окрестностям, натолкнулся Григорий на торчащее из земли крыло самолета, это был его родной самолет. Тут же лежали останки двух обгоревших летчиков. В одном он признал своего командира, второго же узнать не смог. «Значит, — подумал он, — четыре его товарища успели все-таки выброситься на парашютах». Продолжая блуждать, Григорий набрел на баньку. Зашел в нее, прилег на лавку и крепко уснул. Вскоре скрипнула дверь. На пороге стоял бородатый старик.

- Пить, — прошептал Григорий.

Старик исчез и через некоторое время привел свою жену. Она принесла воды, мяса, молока, хлеба. Григорий не мог есть сам. Сильно болели обгоревшие руки, кровоточили распухшие губы. Григория накормила жена старика.

Трое суток белорусские друзья (фамилия их — Ларченковы) прятали Григория, ухаживали за ним. А на четвертые сутки с помощью молоденькой девушки — Лидии Савицкой — переправили Григория в знаменитый партизанский отряд «Тринадцать», откуда после месячного лечения он был отправлен на Большую землю.

В то время родные края уже были освобождены от немцев. Григорий получает кратковременный отпуск, чтобы навестить родных.

Деревня Щученка, где раньше проживала семья Доронцевых, в июле 1942 года была сожжена немцами: мать с дочерью вынуждены были переселиться к знакомым в Любохну.

Вот так описывает сестра появление брата в то время: «В доме было расквартировано двенадцать солдат. Рано утром затопив печь, мать вышла из дому попить norову. Видит через переулок идет к дому незнакомый человек. Высокий, стройный, в полушубке, солдатская шапка на голове, за спиной вещмешок. Остановился, спросил «Мамаша, как пройти до Боровки (посёлок за Болвой)?»

- А тут недалеко, сынок, — через Болву перейдешь и доберешься до Боровки. А он ещё что-то спрашивает и идет в дом. Подошёл к столу на кухне и сел на табуретку.

- Надо же, какой нахальный, — прошептала мать. И стала хлопотать у топящейся печи. Григорий, сидя на табуретке, спрашивает: «Мамаша, как живем?»

- Как видишь. Война собрала в одну кучу и своих и чужих. Вот так и живем.

В это время находился в доме и брат Григория Александр, получивший тоже кратковременный отпуск с фронта. Он спал в соседней комнате. Разговор на кухне разбудил его. Прислушался — что-то голос знакомый. Поднялся, оделся и вышел на кухню.

- Брат, Гришка, жив, — Александр обнял гостя. Больше Григорий выдержать не смог — сбросил с плеча вещмешок.

- Мама — крикнул он, — и бросился ее обнимать.

В этом незнакомце с обгоревшим лицом мать теперь уже признала своего сына Григория, по щекам её покатались слезы.

В это же время матери приходит извещение: «Ваш сын — штурман корабля авиации дальнего действия младший лейтенант Доронцев Григорий Ермолаевич, уроженец Орловской области, Дятьковского района, пос. Любохна, 1918 года рождения, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество в бою за социалистическую РОДИНУ, погиб при выполнении боевого задания в ночь с 14 на 15 октября в борьбе с германским фашизмом».

С улыбкой читал Григорий эти строки.

...Пять дней на аэродроме не было никаких вестей от экипажа самолета. Летчики другого самолета видели, как их товарищи, объятые пламенем, выпрыгнули из горящего самолета над территорией, занятой врагом. Тогда-то и решили, что все члены экипажа погибли.

Но оказалось, что двоим из семерых членов экипажа — штурману Доронцеву Григорию и второму пилоту Афанасию Красникову, благодаря помощи Белорусских патриотов, удалось спастись.

...Уходит время, уходят и люди. Г.Е. Доронцева уже нет в живых, Но жива память о тех, кто, не щадя себя, отстоял для нас землю, небо, свободу.

ЕГО НАЗЫВАЛИ ЧАПАЕМ

25 декабря 1999 года нашему земляку, отважному комбригу дважды Герою Советского Союза Александру Алексеевичу Головачёву исполнилось бы 90 лет.

Память переносит меня к дням двадцатипятилетней давности. Тогда, по

настойчивой просьбе ребят класса, где был я классным руководителем, в передаче «Пионерская зорька» прозвучал призыв к боевым друзьям и сослуживцам А.А. Головачёва с просьбой поделиться своими воспоминаниями.

И пришли в «Пионерскую зорьку», а оттуда в Любохну, в школу, письма. Многие письма начинались такими словами:

«3 марта сего года в 12 часов 40 минут, я услышал...»

«Уважаемая редакция: сегодня, то есть 3 марта в выпуске «Пионерская зорька» вы называли фамилию моего бывшего командира и друга...»

«Дорогие товарищи! Сами мы радио не слушали в тот момент, когда вы обращались к знакомым и родственникам дважды Героя Советского Союза А.А. Головачёва и только много времени спустя рассказали нам об этом знакомые...»

И вот несколько сот писем с воспоминаниями сослуживцев и родственников о А.А. Головачёве стали тогда достоянием школьников, а сегодня это документы школьного музея боевой славы.

Многих из тех, кто написал 25 лет назад строки своих воспоминаний, уже нет в живых, но память человеческая не стынет, перелистывая пожелтевшие письма мы вновь видим нашего земляка А.А. Головачёва как живого командира, коммуниста, героя.

Сегодня мне хочется поделиться с читателями отдельными строками воспоминаний из писем, полученных четверть века тому назад.

Это было в 1942 году на берегу Амура. Адмирал выстроил матросов.

- Товарищи, — сказал он, — сейчас опасность на суше. На полях Украины решается судьба Родины. Значит, там место морякам.

А через две недели храбрые матросы, сменившие флотские бушлаты на защитные красноармейские шинели, выстроились в лесу Подмосковья, встречая командира, который должен был вести их в бой.

Подполковник Александр Алексеевич Головачёв говорил о предстоящих тяжелых боях, о том, по мужеством, смелостью они должны завоевать высокую воинскую славу.

- Вы — матросы, люди к ходьбе непривыкшие, — сказал он, — а шагать нам придется много. До Германии еще далеко. И первое, чему нам надо учиться — неустойчивости. Будем совершать марши по семьдесят километров в сутки.

Из подразделения, которым раньше командовал Головачёв, он привел с собой двенадцать автоматчиков. Эти люди как бы стали ядром новой части. Вокруг них по вечерам собирались бойцы, они рассказывали о боях, методах врага. Потом ещё приходило пополнение, сменившее тех, кто выбывал в госпитали, но всегда оставались ветераны, «старички», которые передавали новичкам традиции гвардейцев, учили их, как надо защищать Родину.

Вот так из молодых солдат создавал Александр Алексеевич Головачёв кадровую воинскую часть, о чем писал в армейской газете корреспондент Н. Нюров.

А вот что рассказал гвардии майор в отставке М. М. Поберихин: «Многие

воспоминания о войне у меня связаны с боевыми делами бригады. Головачёв был очень смелый и часто своим личным примером воодушевлял личный состав на подвиги во имя Родины.

Командирские планы у него были дерзкие, рассчитанные на безусловную победу с наименьшими потерями. Когда нам пришлось прорывать оборону на Орловском направлении, он принял решение, чтобы весь личный состав, находящийся на автомашинах, вел огонь на ходу (вплоть до минометов), чтобы создать панику и замешательство в рядах врага. Операция была выполнена блестяще, а 5 августа 1943 года впервые Москва салютовала в честь освобождения города Орла нашим доблестным войскам. Не случайно в последующих боях в одном из номеров армейской газеты о Головачёве было помещено стихотворение, где были слова:

«Это Чапаев наших дней». Да, это был герой, да он и папаху носил, как Чапаев, только ездил не на лошади, а на автомашине «Виллис».

«...Память подсказывает бой за Россошь. — Это отрывок из письма полковника в отставке М. Савельева. — Этот небольшой город довольно сильно был укреплен. Враг начал наносить удары по нашим боевым порядкам еще на подходе к городу. «Мессерам» удалось разбить штабную машину бригады, повредить радию. вывести из строя несколько пушек и автоматов. Темп наступления начал ослабевать.

А зимний день короток. Оценив сложившуюся обстановку, Головачёв приказал: «Всем наступать за мной!»

Его автомобиль вырвался перед боевыми рядами и устремился к окраине города. Конечно, все, кто слышал приказ комбрига, кто видел его броневик, — рванулись вперед.

К вечеру Россошь была полностью в наших руках. В центре освобожденного города командир корпуса устроил Головачёву головомойку «за безрассудную храбрость, за неуместное гарцевание на броневике». Головачев сначала отшучивался, а потом спросил генерала:

- А вы уверены, что в данном случае я поступил неправильно?

Генерал махнул рукой и пошел к машине».

...Боевые качества командира, как известно, наиболее полно раскрываются при решении трудных задач, в сложной обстановке, 23-я гвардейская мотострелковая бригада не раз попадала в труднейшие переплеты, но с честью выходила из них. И ни разу комбриг не повторил маневра, не применил шаблона.

...Овладев Россошью, бригада в составе корпуса устремилась на северо-запад. Успех операции на окружение Россошанско-Острогужской группировки врага решался взятием Алексеевки. Там должны были сомкнуться наши «клещи». В этой операции Головачёв не просто вел, а увлекал за собой бригаду. И пришел вовремя. Части с ходу ворвались в поселок, быстро захватили станцию, не дав врагу отправить эшелон с советскими людьми. Но с севера и северо-востока на Алексеевку устремились отходившие части венгерской армии и румынского корпуса. С запада перешли в наступление выбитые из поселка немцы. Враг сжимал бригаду с трех сторон. Численное превосходство противника было многократным. Помощи ждать неоткуда. Собрав

командиров, Головачёв коротко объяснил обстановку и приказал:

- Никому ни под каким видом из Алексеевки не отходить. Всех «тыловиков» поставить в строй. Ни одного дома врагу не отдавать.

Он сам взял автомат и пошел со штабом отражать контратаки наседавшего врага. Даже получив ранение, он не оставил поля боя. Алексеевка осталась в наших руках. Головачёв очень любил и берег людей. Он берег их всегда. Он погиб, оберегая своих солдат. Вот что пишет в своих воспоминаниях Д. Драгунский, дважды Герой Советского Союза, генерал-лейтенант танковых войск: «В марте бои развернулись далеко за Одером. В районе Лаубан фашисты бросили против бригады Головачёва свежие части. Бой принял ожесточенный характер, доходивший до рукопашных схваток. В одном из боев в районе Лаубан один из батальонов 23-й мотобригады оказался в очень трудном положении. С этим батальоном был и комбриг. Немцы ворвались в четырехэтажный дом и выбили охрану штаба. На третьем этаже находился Головачёв со своей радиостанцией. Бои шли на лестничной клетке, дом начал гореть. И вот среди белого дня, на глазах оторопевших офицеров, Александру Алексеевичу удалось по веревке спуститься вниз. Здесь он собирает группу людей и разделяется с противником. Лаубан остался в руках головачёвцев.

Вскоре после этого, догнав меня в одном из походов, Головачёв со свойственной ему горячностью выложил:

- Давай, браток, жми! Скоро мы с тобой полетим в Брянск. Возьмем Берлин — и на следующий день махнем. Как думаешь, даст Конев нам самолет?

Но 6 марта на рассвете не стало этого мужественного жизнелюбивого человека, храбрейшего из всех, кого я только видел на своем веку. Буквально в ста метрах от деревни Логау, где проходила 23-я бригада, выскочили немецкие танки. Головачёв вспрыгнул на самоходку и крикнул: «По немцам — огонь!»

...Артиллеристы успели дать два залпа и подбили один фашистский танк. Но за речкой, притаившись, стоял еще один. Его прицельный выстрел по самоходке оборвал жизнь героя.

На другой день у гроба своего комбрига застыли в безмолвии бойцы и офицеры. Прогремел солдатский салют, и машина с телом Александра Алексеевича взяла путь на Украину, в город Васильков, который он освобождал. А мы — его друзья, его земляки — пошли на Берлин. Славная головачёвская бригада дошла до Берлина, выполнила наказ своего командира...»

ВСЕСОЮЗНЫЙ, ГОЛОВАЧЁВСКИЙ

Киевская область, город Васильков. Имя его носит бригада, в земле его покоится прославленный комбриг, уроженец Любохны, дважды Герой Советского Союза Александр Алексеевич Головачёв.

Почему на большом боевом пути бригады именно этот город стоял особенно славной вехой? Вот что пишет об этом журналист В. Лукьяненко:

- Освободив город, бригада оказалась оторванной от регулярных частей и

фактически сражалась в тылу врага.

Ранним утром немцы пошли в атаку. Одна, вторая, третья. И, словно на острове, окруженные со всех сторон врагами, держались головачёвцы. И они смогли не только удержаться, отразить психические атаки фашистов, но и перейти в контрнаступление. Немцы откатились от города.

Так город Васильков удлинил наименование бригады. Под именем 23 Гвардейская Васильковская ордена Ленина, дважды Краснознаменная, Ордена Суворова мотострелковая бригада прошла через всю Украину, Польшу, Германию, штурмовала Берлин и освобождала Прагу. Недалеко от немецкого города Лаубан 6 марта 1945 года оборвалась жизнь пламенного комбрига А.А. Головачёва. По решению командования тело его было отправлено для погребения в городе Василькове.

Здесь 8-9 мая 1966 г. состоялся второй Всесоюзный слет головачёвцев. Теперь головачёвцами называют не только бывших воинов легендарной бригады, но и юных следопытов, занимающихся поисками материалов о бригаде. Только из Брянской области на слет прибыли отряды следопытов Любохны и Дятькова, школы-интерната Жуковки и Прудковской восьмилетней школы Комаричского района, следопыты школы-интерната № 54 Москвы, хозяева первого слета, и ребята из трех школ Житомирской области.

Было здесь и свыше сорока воинов — головачёвцев. Из Алма-Аты приехал Герой Советского Союза Х.К. Кобиков, из Казани — Герой Советского Союза С.С. Садриев и Л.Г. Фролов, из Славянска — Герой Советского Союза А.К. Давиденко, из Киева — генерал-майор в отставке Герой Советского Союза Е.П. Шаповалов и многие другие.

Приветствие слету прислало командование Высшего общевойскового ордена Ленина Краснознаменного училища имени Верховного Совета РСФСР, выпускником которого в 1930 г. был А.А. Головачёв. Поступило приветствие от городской штаба пионеров г. Резекне Латвийской ССР. Через этот город в 1940 году старший лейтенант А.А. Головачёв прошёл воином — освободителем. Были еще десятки телеграмм от тех, кто и «поне ныне влюблен в своего комбрига», как пишет полковник Гусаренко.

...Один за другим поднимаются на трибуну торжественного собрания воины-головачёвцы и следопыты. Много интересного поведали собравшимся ординарец Головачёва В.С. Беляев, Герой Советского Союза С.С. Садриев. Бывший разведчик-головачёвец С.П. Пугачев сказал: «Нам не нужно было читать устав, живым уставом был для нас комбриг Головачёв». Бурными аплодисментами было встречено сообщение ученика Любохонской школы В. Наконечникова о том, что Президиум Верховного Совета РСФСР присвоил Любохонской школе имя А.А. Головачёва.

...Вечером состоялся «Огонек дружбы». По украинскому обычаю гостям преподносят хлеб-соль. Принимает его казах Герой Советского Союза Х.К. Кобиков. Идет концерт. Слышны песни на русском, украинском, немецком языках.

Из Латвии приехал журналист В.Д. Лукьяненко. Он сообщает, что с помощью следопытов и воинов-головачёвцев закончил документальную повесть «Здравствуй, бригада». Передал он слету и дар латышских ребят — сундучок, символ хранилища всего дорогого.

...9 мая. Колонны демонстрантов идут на главную площадь. Впереди прославленные воины-головачѣвцы и следопыты-головачѣвцы в красных пилотках, каждая делегация несет знамя своей школы.

Выступают представители общественности города, однополчане комбрига. На трибуне пионеры-головачѣвцы. Из репродукторов звучит их клятва:

«Именем солнца, именем Родины клянемся:

То, что отцы не достроили, мы достроим.

То, что отцы не доделали, мы доделаем.

То, что отцы не допели, мы допоем!»

Митинг окончен. Колонны направляются к скверу, где находится могила А.А. Головачѣва. Началось возложение венков.

Считаю — десять, двадцать, тридцать, сорок... теряюсь в счете, а венки несут и несут. Железная ограда могилы не может вместить их все.

...Потом собрались на прощальный обед. От трудящихся Васильковского района гостей приветствует дважды Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР, звеньевая колхоза имени Ильича О.К. Дыбтан.

Выступает М.А. Головачѣва, сестра славного комбрига, приехавшая из Свердловска. Она говорит:

- В годы войны мы потеряли трех братьев, а сегодня мы видим в вашем лице, что нашли их сотни. Эта встреча для нас радость. Пусть никогда не будет омрачена ваша жизнь слезами. За радость и только за радость я поднимаю тост!

Один за другим выступают головачѣвцы, они благодарят Васильковский горком партии, райисполком, следопытов-головачѣвцев всех школ за эту прекрасную встречу. На глазах у многих слезы.

...Мы прощаемся с гостеприимным городом и его гостями. До встречи! До встречи на партизанской Брянщине, в Любохонской средней школе имени А.А. Головачѣва. И третий Всесоюзный слет головачѣвцев состоялся в канун славного пятидесятилетия Советской власти 8-10 мая 1967 года на родине героя — в рабочем поселке Любохна. Но это требует отдельного повествования.

ФОТОГРАФИИ

Шадский П.П.

Бернт Е.Р.

Командиры Любохонского партизанского отряда

Чуков Д.Я.

Прост'яков А.М.

Королёв М.Е.

Качурин И.М

Партизаны из Любохонского партизанского отряда

Дорохов С.М.

Скотников Г.С.

Скотникова А.Г.

Догадаева М.И.

Разведчицы Любохонского партизанского отряда

Литина А.Е.

Дарковская З.Л.

Разведчики Любохонского партизанского отряда

Моисеенкова Н.Ф.
вели на расстрел

Корнеева О.К.
расстреляна

Сарычева М.А.
повешена

Солодовщикова П.П.
повешена

Карпова М.А.
расстреляна

Манешин Т.Е.